

Особенности ре(де)конструкции женской идентичности в постфеминизме.

Закалюжная Оксана Игоревна

Аспирант

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний
Новгород, Россия

E-mail: zayak@mail.ru

В социально-гуманитарном знании на современном этапе развития наблюдается трансформация понятия «идентичность», переход от его модернистской интерпретации к постмодернистской. В частности, «идентичность» входит в круг понятий, наиболее интенсивно подвергающихся переосмыслению постфеминистскими теоретиками, среди которых можно выделить так же «подавление», «патриархат» и «сексуальность».

Отличие феминизма и постфеминизма лучше всего прослеживается в соответствующих им конфликтах. Основной конфликт для феминизма заключался в противостоянии теории (академический феминизм) и практики (активизм), тогда как для постфеминизма это противоречие сосредоточено между «центрированным и децентрированным гендерным субъектом». «Существует... политическая проблема, - по словам Джудит Батлер, - с которой сталкивается феминизм, когда предполагает, что понятие женщины обозначает некую коллективную идентичность. Вместо того чтобы играть роль устойчивого означающего, которое обладает санкцией тех, кого оно претендует описывать и представлять, понятие женщины, даже взятое во множественном числе, само оказалось противоречивым термином, предметом споров, причиной беспокойства». [1]

Современный феминизм проходит стадию «радикального самокритицизма» так же благодаря внутреннему политическому влиянию на свою теорию цветных женщин, постструктурализма и постмодернизма, а так же переосмысления роли сексуального, классового, расового, национального различия внутри женской идентичности. Теоретики призывают использовать постмодернистский проект как критическую концепцию, способную продвинуть феминизм вперед, не стагнируясь на привычных вопросах. И, хотя на современном этапе наблюдается множество противоречий и столкновений феминизма и постфеминизма, однако «способность феминизма включать в теорию и практику концепцию «различия» означает возможность дальнейших теоретических и социальных изменений в феминизме, соответствующих политической и культурной ситуации XXI века». [4]

Теперь отметим лишь некоторые трудности и противоречия, с которыми сталкиваются постмодернистские теоретики феминизма, пытаясь анализировать женскую идентичность как мозаичную, фрагментированную и размытую. Во-первых, это «заикленность» на языке и сексуальности, что в свою очередь мешает анализу социальной реальности в целом и ограничивает его возможности. Во-вторых, существует большая вероятность того, что современный феминизм попадает в собой же созданную методологическую ловушку фрагментарности и множественности, тем самым лишая себя системы координат, в результате чего многие отказывают ему в претензиях на научную теорию. В-третьих, ре(де)конструкция идентичности выводит за скобки главный предмет анализа социально-гуманитарной науки - человека - и превращает его в совокупность детерминирующих факторов (языковых, биологических, социальных). Таким образом, главный упрек в адрес постфеминистского способа анализа идентичности заключается в том, что лишаясь основного смысла, проект ре(де)конструкции женской идентичности превращается в смесь языковых игр, имеющих опосредованное отношение к ежедневной социальной практике подавляющего большинства людей.

Все же, невзирая на все существующие противоречия внутри современного феминизма, мы можем выделить следующие моменты, позволяющие говорить о наличии относительно целостной теории идентичности в постфеминизме. Это общая для всех авторов критика модернистской интерпретации понятия идентичности, которая предполагает «прозрачность» личности и ее стабильность, возможность фиксации идентичности и ее изучения в статическом состоянии. Далее, на основе критики модернистской позиции, постфеминизм развивает понимание идентичности как находящейся в постоянном процессе становления, динамичной, фрагментированной, неоднозначной, множественной, что проявляется в многообразии социальных и духовных практик. Так же стоит отметить, что все без исключения постфеминистки уделяют особое внимание символической реальности, влияющей на формирование идентичности (язык, дискурс, власть, телесность). «Возможно, мы стремимся к такому положению, - отмечает В. Брайсон, - когда можем одновременно определять структуры и процессы, противоречащие интересам женщин, но так же понимать, что ни одна концепция не является ключевой для реальных перемен, поскольку все они взаимосвязаны». [3]

Таким образом, главной задачей постмодернистского феминизма в его аналитике женской идентичности можно считать внимание к специфичности женщины не как аномии и отклонению от нормы, а скорее как к отличиям, имеющим право не только на существование, но и дающим культуре альтернативные ценности и огромное разнообразие социальных отношений. Как пишет Д. Батлер, «разногласия среди женщин по поводу содержания это термина (женщина) следовало бы беречь и ценить, ибо эти непрекращающиеся разногласия следовало бы провозгласить необоснованным основанием феминистской теории. Т.о. деконструкция субъекта феминизма означает не цензурирование его употребления, но наоборот, высвобождение его для будущего множественных сигнификаций, избавление его от онтологий про-материнских или про-расовых, за которыми он закреплен, введение его в игру как место, где могут возникнуть самые непредвиденные значения». [2]

Источники и литература

- 1) Батлер Д. Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории. Минск, 2000. С. 297-347.
- 2) Батлер Д. Случайно сложившиеся основания: феминизм и вопрос о «постмодернизме» // Введение в гендерные исследования. Ч. II. Харьков-СПб., 2001. С. 233-257.
- 3) Брайсон В. Политическая теория феминизма. М., 2001.
- 4) Жеребкина И. Прочти мое желание. Постмодернизм. Психоанализ. Феминизм. М., 2000.